

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКО–ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 30-е гг. XX в.
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ
СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Галактионов Егор Николаевич, старший преподаватель

Институт береговой охраны Федеральной службы безопасности Российской Федерации
353440, Российская Федерация, Краснодарский край, г. Анапа, ул. Трудящихся, 2в
E-mail: roge_1980@mail.ru

В статье рассматривается один из важных аспектов советско–японских отношений в 1930–е гг., связанный с урегулированием вопросов рыболовства: распределение квот и участков вылова, определение ширины территориальных вод в акватории Татарского пролива, Охотского и Японского морей, выполнение Японией обязательств по ранее заключенным договорам. Автор показал взаимосвязь безопасности на тихоокеанской морской границе в 1930–е гг. с вопросами урегулирования советско–японских противоречий. Решение данных противоречий, с одной стороны, привело СССР к политике уступок (продажа КВЖД, «Соглашения по рыболовным вопросам»), а, с другой – позволило занять более жесткую политику в развитии рыбной промышленности на Дальнем Востоке. Именно этим можно объяснить создание в начале 1930–х гг. при Совете Труда и Обороне СССР постоянного комитета по делам Сахалина и Камчатки. В статье дан анализ советской дипломатической миссии в разрешении споров и заключенных международно–правовых актов с государствами Азиатско–Тихоокеанского региона. Венцом этой миссии стало заключение Пакта о нейтралитете, оказавшем существенное влияние на ход истории. В этом плане стремление США воспользоваться нестабильностью в регионе и взять под свою юрисдикцию ранее не принадлежавшие акватории в Беринговом море, свидетельствуют о далеко не миролюбивой политике заокеанского соседа.

Ключевые слова: Рыболовная конвенция, Азиатско–Тихоокеанский регион, Дальний Восток, Китайско–Восточная железная дорога, Япония, Советский Союз, Соединенные Штаты Америки, Китай, Пакт о нейтралитете

**THE PROBLEMS OF SOVIET–JAPANESE RELATIONS AND ITS IMPACT
ON THE SECURITY OF FAR EAST IN THE 30^s OF THE XXth CENTURY**

Galaktionov Yegor N., Senior Lecturer

The Coast Guard Institute of Federal Security Service of Russia
2v Trudyashchiesya st., Anapa, Krasnodar region, 353440, Russian Federation
E-mail: roge_1980@mail.ru

The article deals with the Soviet–Japanese relations in the 1930–s, connected which was a question of fishery, with distribution of quotas and sites of catch are considered determination of the extent of territorial sea in water area of the Tatar Strait, Sea of Okhotsk, the Sea of Japan and the implementation of obligations on the previously concluded treaties. The author underlines the interrelation of regularization of Soviet–Japanese conflict with the security problems in the Pacific maritime border of the USSR. Which decision on the one hand led the USSR to policy of concessions (sale of KVZhD, "The Agreement on fishing questions"), and with another, allowed to occupy more tough policy in development of fishing industry in the Far East. These can explain creation in the early thirties in the Soviet government of standing committee for Sakhalin and Kamchatka. In the article there is an analysis of the diplomatic mission activity to resolute the disagreements and the consideration of the International Legal Resolutions concluded with Asia–Pacific countries. The adoption of the Neutrality Pact had a great influence on the course of history. In this plan aspiration of the USA to use instability in the region and to take under the jurisdiction earlier not belonging water areas in the Bering Sea, testify about maintaining the evil policy of the transatlantic neighbor.

Keywords: Fishing Convention, Asia–Pacific, Far East, Chinese Eastern Railway, Japan, Soviet Union, Neutrality Pact

В январе 1928 г. между СССР и Японией была подписана Рыболовная конвенция, обсуждение которой сопровождалось дискуссией по вопросу участков, отводимых японским рыбопромышленникам. Один из главных вопросов для СССР, который остался нерешенным, касался ширины территориальных вод. Ещё в феврале 1923 г. постановление Совета Труда и Обороне определило, что к территориальным водам в Охотском море, Татарском проливе, Японском море и по всему восточному берегу Сахалина на Тихом океане относятся все заливы, бухты и полоса вод на всём протяжении РСФСР шириной 12 морских миль от линии наибольшего отлива (12 мильная ширина территориальных вод была установлена ещё царским правительством в 1910 г.) [1, с. 15]. Подобная ширина территориальных вод была принята рядом государств, в том числе Анг-

лией, Германией, Финляндией и Норвегией. Японская сторона настаивала на 3 мильной ширине территориальных вод и игнорировала решения советского государства, продолжая вести незаконный лов рыбы в советских водах.

Использование японцами военных судов в целях прикрытия незаконного морского промысла, сопровождавшегося попустительством японских политиков, не осталось без внимания советского правительства. Правительство приняло решительные меры, направленные на прекращение японской экспансии и укрепление своих экономических позиций на Дальнем Востоке [1, с. 46–49].

Неоднократное обсуждение на Политбюро ЦК ВКП(б) вопросов, касающихся отношений с Японией, в апреле 1929 г. положило начало принятию программ, направленных на обеспечение охраны Тихоокеанского побережья, на увеличение и усиление группировки морских пограничных сил, развитие рыбной, лесной, горнодобывающей и сельскохозяйственной промышленности Дальнего Востока. В области развития Сахалина и Камчатки планировались особые меры, которые предусматривали вытеснение японского флота, замену иностранной рабочей силы, занятой в концессиях. При Совете Труда и Обороне был создан постоянный комитет по делам Сахалина и Камчатки, который обеспечивал мероприятия по выполнению правительственных директив.

Мировой торгово-экономический кризис, охвативший капиталистические страны в начале 1930-х гг., затронул и Японию, которая в поисках путей выхода из кризиса, стала осуществлять захват новых территорий. Возросшее влияние милитаристских сил в стране Восходящего Солнца привело к японской оккупации Маньчжурии и выводу Квантунской армии на советско-маньчжурскую границу. Это резко ухудшило военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке СССР.

В феврале 1931 г. в японском порту Сибамура был произведен незаконный обыск советского парохода «Лозовский» без предъявления ордера и в отсутствие капитана судна [3, с. 96, 775]. В марте было совершено покушение на торгового представителя СССР в Японии П.В. Аникеева, в результате чего он получил три пулевых ранения. В мае контрминоносец «Юкадзе» № 3 зашёл в Авачинскую бухту, а в июле подобные действия произвёл миноносец «Сиокадзе» [3, с. 435, 464].

В эти годы в отношениях двух стран «рыболовный» вопрос был наиболее острым. В связи с этим подписание дипломатами «Соглашения по рыболовным вопросам» в августе 1932 г. действительно способствовало стабилизации в регионе. Характеризуя советско-японские отношения в 1932 г., можно отметить положительные сдвиги, достигнутые в торгово-экономическом секторе. Однако обострение военной экспансии в Маньчжурии и незаконное задержание наших пароходов в японском порту Отомари (Корсаков) стали дестабилизирующими факторами в отношениях СССР и Японии [4, с. 511].

В целях стабилизации обстановки в июле 1933 г. СССР предложил Японии выкупить часть КВЖД, принадлежащую Советскому Союзу. Общая выкупная сумма КВЖД и всех её имуществ устанавливалась в 250 млн зол. р. (1 зол. р. = 1,04 зол. иены). Переговоры о покупке Японией КВЖД закончились безрезультатно. Произошел насильственный захват части дороги и арест её советских служащих. Японские же политики и официальные представители правительства начали обсуждать вопрос о войне с СССР – захват Приморья и всего Дальневосточного края.

На XVII съезде ЦК ВКП(б) (1934 г.) И.В. Сталин сказал о советско-японских отношениях Генеральный секретарь ВКП(б) следующее: «Отказ Японии от подписания пакта о ненападении, в котором Япония нуждается не меньше, чем СССР, лишней раз подчёркивает, что в области наших отношений не всё обстоит благополучно. Поэтому мы должны, вместе с тем, принять все меры к тому, чтобы оградить нашу страну от неожиданностей и быть готовыми к её защите от нападения» [5, с. 87].

Народный Комиссар Обороне К.Е. Ворошилов на Военном совете (1934 г.) так охарактеризовал ситуацию: «Напряженность на Дальнем Востоке теперь усугубляется именно тем, что здесь, на западе, мы имеем в лице Германии и Польши довольно серьезных антагонистов, которые протягивают руку на восток японцам. И сейчас получается также, я бы сказал, своеобразное взаимодействие этих восточных и западных враждебных нам сил» [2, с. 327]. Созданное японцами в Маньчжурии марионеточное государство Маньчжоу-Го стало прикрытием для Японии, которая хозяйничала в регионе, рассматривая его в качестве базы военных действий против СССР.

С февраля по июль 1934 г. продолжились переговоры СССР и Японии о продаже КВЖД, в результате которых советское правительство пошло на значительные уступки. В ходе переговоров советская сторона снизила своё требование с 250 млн зол. р., т.е. с 625 млн иен, представляющих реальную стоимость дороги, до 160 млн иен. Это по тогдашнему курсу составляло около 56 млн зол. р. Ситуация вокруг КВЖД складывалась такая, что СССР в любой момент

мог оказаться перед фактом её насильственного захвата. В этих условиях решено было согласиться с минимальной стоимостью КВЖД. 23 марта 1935 г. соглашение о продаже СССР КВЖД Маньчжоу-Го было подписано, сумма сделки составила 140 млн японских иен [6, с. 204–213], что составляло около 47,5 млн зол. р. И хотя обязательства по предоставлению выкупных платежей Маньчжоу-Го и Японией были нарушены, соглашение о продаже КВЖД на время сняло напряженность в советско-японских отношениях.

Переговоры о заключении Пакта о ненападении между СССР и Японией продолжились. В 1935 г. Япония предложила свою комбинацию, согласно которой СССР должен был вслед за подписанием пакта отозвать основную массу своих войск из Приморья и уничтожить там укрепления. Япония со своей стороны должна была отозвать войска из Маньчжурии, оставив там незначительные вооруженные силы для поддержания порядка и борьбы с бандитизмом [6, с. 125]. Конечно же, такой план не мог устроить Москву.

По ряду причин подписание новой рыболовной конвенции в 1936 г. не состоялось. Во-первых, этому помешал заключенный между Германией и Японией «антикоминтерновский пакт». Во-вторых, СССР не согласился с требованием Японии по закреплению за японскими рыбопромышленниками на 12 лет всех участков, находящихся у них в аренде. В ходе дипломатических переговоров стороны пришли к мнению о продлении рыболовной конвенции 1928 г., срок которой заканчивался в мае 1936 г. [7, с. 279,321]. Эта практика продолжилась вплоть до 1939 г.

С каждым годом увеличивалось количество инцидентов на дальневосточной морской границе, незаконных задержаний советских пароходов в японских портах, нападений на членов посольства СССР и торговых представительств, что свидетельствовало об агрессивной политике Японии. Вторжение Японии в Китай ещё более осложнило обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Японское вторжение ускорило заключение «Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой», по которому обе стороны осудили обращение к войне и отказывались прибегать к оружию для разрешения международных споров. Договор вступил в силу в день подписания (21 августа 1937 г.) на 5 лет [13, с. 88], после чего Советский Союз принял участие в оказании помощи Китаю.

После конфликта на озере Хасан (1938 г.) правительство Чан Кай-ши активизировало политику по заключению дополнительного договора между СССР и Китаем, который оказал бы позитивное влияние на всё население Китая в борьбе против японской вооружённой экспансии [8, с. 462, 463, 465, 476]. Советский Союз не принял предложение Китая о заключении договора, а также отклонил его предложение о выступлении войной против Японии, мотивируя это тем, что подобный факт только осложнит ситуацию в регионе [8, с. 482].

В акватории Тихого океана Соединенные Штаты Америки вступили в противоречия с Японией, которыми были готовы воспользоваться советские дипломаты. Отношения СССР и США дипломаты оценивали позитивно, хотя существовали и такие негативные моменты, как запрет Госдепартаментом размещения на американском денежном рынке советских железнодорожных займов, усиление агитации за запрет импорта из СССР леса и антрацита, а также развернутый в печати «крестовый поход» – защита верующих в России [14, с. 255, 256, 286, 287]. Уже в июле 1938 г. между СССР и США встал вопрос о статусе Берингова моря. Дело в том, что по предложению сенатора Копленда американский сенат принял закон, объявлявший воды Берингова моря к востоку от линии, установленной русско-американским договором 1867 г. о продаже Аляски, состоящими под юрисдикцией США. Это было сделано под предлогом предотвращения хищнического лова рыбы японцами в Беринговом море, которое считалось открытым. В случае одобрения этого предложения Конгрессом США, Америка устанавливала власть над большей частью Берингова моря. Об этом в своём письме к И.В. Сталину доложил нарком Иностранных дел СССР М.М. Литвинов и предложил поручить полпредству в Вашингтоне сделать представление о противоречии закона Копленда международному праву и нарушении интересов СССР. По всей видимости, Сталин принял позицию Литвинова, т.к. в сентябре 1938 г. такое представление было отправлено в Госдепартамент США. В этой ситуации позиция СССР была полностью оправдана. «Разумеется, мы не имеем ни малейшего желания осложнять борьбу американских властей с японским хищническим ловом лосося вблизи американского побережья, но мы не могли бы мириться с установлением такого порядка, при котором вся восточная (и вместе с тем большая) часть Берингова моря окажется под контролем властей США и под действием американских законов» – говорилось в представлении [14, с. 673]. Эти факты свидетельствуют, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе Америка преследовала свои интересы, которые зачастую ущемляли интересы Советского Союза и не отвечали политике мира и стабильности.

Советская дипломатия усиленно искала возможности для преодоления международной изоляции СССР. Подписанный в июне 1939 г. советско-китайский торговый договор способствовал улучшению торгово-экономических связей и увеличению товарооборота между странами [9, с. 469–474]. В августе того же года состоялось подписание советско-германского договора о ненападении, так называемый Пакт Молотова – Риббентропа, который вызвал бурное обсуждение в японской прессе. Газеты утверждали, что внешняя политика Японии якобы потерпела крах. В связи с этим ставился вопрос, по какому пути страна пойдёт дальше; это будет сближение с СССР или с Англией.

С вторжения Германии в Польшу 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Советско-японские отношения в это время находились в разрешении конфликта на монголо-маньчжурской границе, который вылился в военные действия на р. Халхин-Гол. Поводом для военных действий явилось притязание японского правительства на территорию Монгольской Народной Республики. Важнейшим фактором для конфликта явилось отсутствие демаркации маньчжуро-монгольской границы в районе реки Халхин-Гол. Впервые крупные бои в воздухе состоялись между японскими и советскими летчиками, доказавшие превосходство советских летчиков. Серьёзный вооружённый отпор, полученный Японией от совместных действий Красной армии и Народной армии Монгольской Республики в военном конфликте, заставил правительство Японии изменить свою политику в отношении СССР. 15 сентября 1939 г. было заключено соглашение между СССР, МНР и Японией о прекращении военных действий. После этого была создана смешанная комиссия по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го.

В декабре 1939 г. СССР и Япония договорились о заключении в 1940 г. на длительный срок новой рыболовной конвенции, при условии, что этому будет предшествовать немедленная уплата советскому государству последнего взноса по КВЖД. 31 декабря в Москве СССР и Япония подписали соглашение о продлении срока действия рыболовной конвенции 1928 г. до 31 декабря 1940 г., а также соглашение «Об уплате последнего взноса за КВЖД и об урегулировании взаимных претензий». В эти же дни между правительствами двух стран обсуждался вопрос об образовании специальных комиссий по урегулированию пограничных взаимоотношений. Советское правительство предложило создать смешанную комиссию между СССР и Японией по урегулированию и предупреждению конфликтов в морских водах. В начале 1940 г. Япония подтвердила своё согласие на создание специальных комиссий для урегулирования спорных морских пограничных инцидентов [10, с. 63–66], что явилось подтверждением успеха нашей дипломатии.

В 1941 г. переговоры по рыболовному вопросу продолжились. Удалось договориться о возврате СССР долга фирмой Мацуо Докьярд. Мацуо Докьярд в 1936 г. получила аванс от Советского правительства в сумме 1647 750 иен на постройку трёх пароходов, но не выполнила свои обязательства. Кроме этого, стороны сошлись во мнении по повышению арендных платежей на 20 % и распределению рыболовных участков. Поздно вечером 20 января 1941 г. рыболовное соглашение было подписано [11, с. 346–350].

В апреле 1941 г. министр иностранных дел Японии Иосуге Мацуока второй раз посетил СССР. На встрече Мацуока со Сталиным удалось договориться о заключении пакта о нейтралитете между СССР и Японией. Мацуока убеждал Сталина, что переговоры о пакте не являются дипломатической игрой, а направлены на улучшение отношений двух стран. Пакт о нейтралитете предусматривал поддержание мирных и дружественных отношений между СССР и Японией. Вторая статья пакта гласила: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего военного конфликта» [12, с. 501, 565]. В декларации стороны обязались уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го и Монгольской Народной Республики. После подписания пакта состоялся обмен письмами между наркомом В.М. Молотовым и министром И. Мацуокой, в которых стороны заявили своё желание о скорейшем подписании торгового соглашения и рыболовной конвенции. Однако дальнейшие переговоры по этим вопросам затянулись...

Безусловно, подписание советско-японского Пакта о нейтралитете за три месяца до нападения фашистской Германии на Советский Союз венчало многолетние усилия советской дипломатии, направленные на стабилизацию отношений с Японией.

Благодаря Пакту Советский Союз получил гарантии о воздержании Японии от агрессии против СССР на Дальнем Востоке. Правда, её союзница Германия, вероломно напав на Советский Союз, продемонстрировала свое пренебрежительное отношение к межгосударственным договоренностям. Но Япония не пошла этим путём. Резко изменив вектор своей агрессии, япон-

ские милитаристы 7 декабря 1941 г. напали на американские базы в Тихом океане. Японская авиация нанесла внезапный удар по Пёрл-Харбор и вывела из строя основные силы американского Тихоокеанского флота. В результате США вступили во Вторую мировую войну, что, в конечном счёте, предопределило образование антигитлеровской коалиции с участием СССР, США и Англии и разгром фашистской Германии, в который Советский Союз внёс решающий вклад.

Таким образом, внешняя политика советского государства на Дальнем Востоке в 1930–е гг. во многом была обусловлена выстраиванием отношений с Японией. Это напрямую отражалось на обеспечении безопасности дальневосточной морской границы СССР. Анализ внешнеполитической деятельности позволяет заключить, что одним из главных вопросов, влиявших на обеспечение безопасности на морской границе, являлся рыболовный вопрос, разрешение которого отражалось на всех сферах советско-японских отношений, придавая им волнообразный характер.

Даже краткий анализ деятельности советского правительства по урегулированию спорных и претенциозных требований со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет сделать вывод о стремлении СССР на этапе уже начавшейся Второй мировой войны дипломатическим путём обезопасить Дальний Восток.

Список литературы

1. ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2001.
2. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г. : документы и материалы. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2007.
3. Документы внешней политики СССР. – Москва : Политическая литература, 1968. – Т. XIV: 1 января – 31 декабря 1931 г.
4. Документы внешней политики СССР. – Москва : Политическая литература, 1969. – Т. XV: 1 января – 31 декабря 1932 г.
5. Документы внешней политики СССР. – Москва : Политическая литература, 1971. – Т. XVII: 1 января – 31 декабря 1934 г.
6. Документы внешней политики СССР. – Москва : Политическая литература, 1973. – Т. XVIII: 1 января – 31 декабря 1935 г.
7. Документы внешней политики СССР. – Москва : Политическая литература, 1974. – Т. XIX: 1 января – 31 декабря 1936 г.
8. Документы внешней политики СССР. – Москва : Политическая литература, 1977. – Т. XXI: 1 января – 31 декабря 1938 г.
9. Документы внешней политики СССР 1939. – Москва : Международные отношения, 1992. – Т. XXII, кн. 1. Январь–август.
10. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. XXIII, кн. 1: Январь–октябрь 1940.
11. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. – Москва : Международные отношения, 1998. – Т. XXIII, кн. 2 (1): 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. – С. 346–350.
12. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. – Москва : Международные отношения, 1998. – Т. XXIII, кн. 2 (2): 2 марта – 22 июня 1941.
13. Русско-китайские отношения в XX в. – Москва : Памятники исторической мысли, 2000. – Т. IV: Советско-китайские отношения 1937–1945 гг., кн. 1: 1937–1944 гг.
14. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933. – Москва : МФД, 2002.

References

1. *VKP (b), Komintern i Yaponiya. 1917–1941 gg.* [VKP (b), the Comintern and Japan. 1917– 1941], Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2001.
2. *Voennyi sovet pri narodnom komissare oborony SSSR. Dekabr 1934 g.* [The Military Council of the People's Commissars of the USSR Defense. December 1934], Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2007.
3. *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet Foreign Policy], Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1968, vol. XIV: January 1 – December 31 1931.
4. *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet Foreign Policy], Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1969, vol. XV: January 1 – December 31 1932.
5. *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet Foreign Policy], Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1971, vol. XVII: January 1 – December 31 1934.
6. *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet Foreign Policy], Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1973, vol. XVIII: January 1 – December 31 1935.
7. *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet Foreign Policy], Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1974, vol. XIX: January 1 – December 31 1936.
8. *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet Foreign Policy], Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1977, vol. XXI: January 1 – December 31 1938.

9. *Dokumenty vneshney politiki SSSR 1939* [Documents of Soviet Foreign Policy 1939], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1992, vol. XXII, read 1: January – August.

10. *Dokumenty vneshney politiki. 1940 – 22 iyunya 1941* [Documents of Soviet Foreign Policy. 1940 – June 22, 1941], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995., vol. XXIII, read 1: January – October 1940.

11. *Dokumenty vneshney politiki. 1940 – 22 iyunya 1941* [Documents of Soviet Foreign Policy. 1940 – June 22, 1941], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1998, vol. XXIII, read 2 (1): November 1 1940 – March 1 1941. – Pp. 346–350.

12. *Dokumenty vneshney politiki. 1940 – 22 iyunya 1941* [Documents of Soviet Foreign Policy. 1940 – June 22, 1941], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1998, vol. XXIII, read 2 (1): March 2 – June 22 1941.

13. *Russko-kitayskie otnosheniya v XX v.* [Russian–Chinese Relations in the XXth century], Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2000, vol. IV: Sino–Soviet relations 1937–1945, read 1: 1937–1944.

14. *Sovetsko-amerikanskie otnosheniya. Gody nepriznaniya. 1927–1933* [Soviet–American Relations. Years of Non–Recognition. 1927–1933], Moskva, MFD Publ., 2002.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В РАБОТЕ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Котельников Алексей Сергеевич, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: A.C.Kotelnikov@mail.ru

В статье рассматривается сложный период кризиса 1920–1921 г., заставивший руководство Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) во главе с В.И. Лениным пойти на отход от политики «военного коммунизма». «Военный коммунизм» представляется незрелой попыткой «лобовой атаки» на вековой уклад экономической жизни граждан России и, прежде всего, крестьянство. В результате массовых крестьянских восстаний и угрозы потери власти, большевики вынуждены были пойти на замену продразверстки продналогом, разрешение свободы торговли и некоторые реформы по введению рыночных отношений в промышленном секторе экономики. Все эти изменения получили в истории название «новая экономическая политика» (НЭП). События этого исторически насыщенного, судьбоносного периода рассматриваются автором в контексте истории органов безопасности страны. Смена векторов в экономическом курсе (при этом что политическая власть неизменно оставалась в руках правящей РКП(б)) болезненно сказалось на деятельности чекистов. Они испытывали серьезные экономические трудности, пережили малопонятные (с точки зрения рядового сотрудника) преобразования, изменения в названии Службы. Но, несмотря на многочисленные трудности, органы государственной безопасности продолжали эффективно бороться с экономическими и политическими угрозами, по-прежнему являясь надежным прикрытием для Советского государства. Рассматривая историю органов безопасности в первой половине 1920–х гг. в целом, автор делает определенный акцент на региональный аспект их деятельности, а точнее работу органов ВЧК – ОГПУ в Нижневолжском регионе. Впервые в данной работе на основе анализа архивных документов и новых исследований историков показывается конфликт между Астраханским губкомом РКП(б) и руководством Астраханской ЧК, вылившийся в резкую критику руководителя астраханских чекистов Федора Семеновича Степного на Бюро Астраханского губкома РКП(б). Работа по сбору материала по этому и многим другим эпизодам из истории органов ВЧК – ОГПУ продолжается автором в настоящее время.

Ключевые слова: Советское государство, Российская коммунистическая партия (большевиков), новая экономическая политика, нэпман, Всероссийская чрезвычайная комиссия, Государственное политическое управление, чекист, Красная армия, Астрахань, экономика

SOME PROBLEMS IN THE WORK OF SAFETY IN THE TRANSITION FROM "WAR COMMUNISM" TO THE NEW ECONOMIC POLICY

Kotelnikov Aleksey S., post-graduate student

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: A.C.Kotelnikov@mail.ru

The article deals with the difficult period of crisis 1920–1921. It forced the leadership of the Russian Communist Party (Bolsheviks) (RCP(b)), headed by V.I. Lenin go for a departure from the policy of "war communism". It is an immature attempt to "frontal attack" on the age-old way of economic life of Russian citizens, especially the peasantry. As a result of mass peasant uprisings, the Bolsheviks were forced to replace the